

УДК 81-112

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ В КОРПУСЕ ДРЕВНЕРУССКИХ КНИГ XI ВЕКА

Ю.В. Палладиева

Аннотация

Статья посвящена проблеме варьирования морфологических средств в древнерусском языке XI века. Исследование ведется в рамках нового направления в историческом языкознании – корпусной лингвистики – на материале всех сохранившихся славяно-книжных источников древнерусского письма XI века (20 памятников).

Корпус древнерусских книг и сохранившихся отрывков XI века во всей их совокупности и на основе сплошной выборки форм дает возможность восстановить исходное состояние грамматического строя и прояснить тенденции становления книжно-литературного языка. Электронная версия древнерусских рукописей XI в., созданная Софийским университетом имени св. Климента Охридского и Норвежским университетом науки и технологии в период с 1996 по 1999 гг., дает возможность реализовать подобные масштабные задачи [1]. Недавно методы корпусной лингвистики были впервые реализованы в академической «Исторической грамматике древнерусского языка» в отношении именного склонения множественного числа и дуальных форм [2–4]. Именное склонение единственного числа пока осталось вне рамок данного важного проекта.

Изучение источников XI в. очень важно не только потому, что это позволяет охарактеризовать наиболее архаичный пласт грамматических явлений, но и потому, что в это время формируется книжная норма и закладывается такая ее черта, как варьирование формальных показателей и средств [5, с. 95]. В то же время варьирование в древнерусский период связано с субстанциональной причиной – сосуществованием древних и нарождающихся форм, а также с их возможной функциональной дифференциацией. Таким образом, варьирование в древнерусских источниках всегда должно изучаться, по крайней мере, в трех аспектах: генетическом, функционально-грамматическом и функционально-стилистическом.

Рассмотрим в связи с вышесказанным дистрибуцию субстантивных форм дательного падежа (далее – ДП) единственного числа мужского рода на *-ови* (*-еви*) и *-у* (*-ю*) в корпусе древнерусских памятников XI в. В генетическом плане источник появления форм на *-ови* (*-еви*) представляется достаточно ясным: это ДП основ на *-й. Проблема, однако, состоит в том, что употребление ДП в целом с основами на *-й связано мало. Это наблюдение относится не только к исконным словам основ на *-й, но и к тем, которые предположительно к ним могут быть отнесены или близки к ним по морфонологическим показателям

(например, *миръ, гласъ*) [6, с. 269–270]. В научной литературе по вопросу распространения ДП на *-ови (-еви)* имеются разные точки зрения. Так, А.А. Шахматов считает, что «общим для всего русского языка было распространение *-ови (-еви)* в именах одушевленных» [7, с. 257]. К.В. Горшкова и Г.А. Хабургаев придерживаются мнения, что окончания *-ови (-еви)* и *-у (-ю)* путем грамматической дифференциации способствуют оформлению категории лица [8, с. 93–94]. И.Э. Еселевич, привлекая материал языка записей и приписок XI – XVI вв. на древнерусских пергаменных рукописях, приходит к выводу, что формы на *-ови (-еви)* используются в именах со значением принадлежности [9, с. 258]. Более общими закономерностями грамматической динамики руководствуется М.В. Шульга, говоря о тенденции морфологической системы имени на протяжении XI – XVII вв. к однозначной соотнесенности грамматических значений и способов их выражения [10, с. 259]. В.В. Колесов замечает связь флексии *-ови (-еви)* с именами одушевленными, но оговаривает, что она никогда не используется при предлоге: *мужеви*, но *ко князю* [11, с. 255]. Вместе с тем возникновение этого варьирования первоначально не составляло прерогативу книжного языка. Об этом свидетельствует распространение ДП на *-ови (-еви)* у слов со значением личной одушевленности в ранних берестяных грамотах (в основном у имен собственных и терминов родства: *мужеви, Рожьнъ ѿтови, Михалеви*) [12, с. 127]. Согласно В.М. Маркову, использование данной флексии свойственно по преимуществу именам со значением лица, но появление *-ови (-еви)* в неодушевленных существительных обусловлено возможностью олицетворения [13, с. 23]. Необходимо признать, что в этом случае речь можно вести не просто о возможных семантических переносах (олицетворении), но и о том, что древнее представление об одушевленности в целом отличалось от современного и охватывало более широкий класс именованных (например, известно, что *день* символизировал мужское начало в отличие от *ночи*, обозначающей начало женское). Подобные примеры с *-ови (-еви)* в неодушевленных именах были обнаружены в корпусе книг XI в.: *ддъ, зминн, вѣсѣ, гласѣ, днь, море, мтарь, псалъмъ*. Кроме того, нельзя забывать о семантическом синкретизме древней лексики (слово *градъ* в этом смысле обозначало не только обустроенное людьми пространство, но и самих «населенников» этого пространства. Вероятно, комплекс похожих семантических признаков присутствовал и в структуре слова *мтарь*). *ддъ, зминн, вѣсѣ, море* часто рассматриваются как живое существо.

В корпусе книг XI в. были обнаружены следующие группы имен (в скобках приведена статистика употребления *-ови (-еви)* и *-у (-ю)* соответственно):

1) *одушевленные собственные имена*: *Явраамъ* (28/1), *Ядамъ* (1/5), *Янастасин* (1/1), *Яндрей* (3/2), *Яфанасин* (1/6), *Ефремъ* (1/3), *Иакофъ* (1/2), *Иуеифъ* (5/5), *Ионадавъ* (1/–), *Иувъ* (1/9), *Иродъ* (3/3), *Исоусъ* (61/40), *Иѿдан* (2/–), *Мосѿки* (7/8), *Навинъ* (1/–), *Нои* (3/–), *Павль* (2/15), *Петръ* (12/32), *Самуилъ* (1/–), *Силонъ* (2/19), *Силъ* (2/1), *Тимофѿи* (3/16), *Фамуръ* (1/–), *Хамъ* (2/1), *Харалампин* (1/–), *Христосъ* (63/106);

2) *одушевленные личные имена*: *архирей* (9/2), *архитриклинь* (1/–), *благодетель* (1/–), *вогъ* (59/965), *вратъ* (2/27), *винарь* (1/–), *врагъ* (2/16), *господъ* (35/4), *дрогъ*

(1/3), доухъ (20/69), женихъ (1/23), зиждетель (1/1), игемонъ (1/7), иерин (1/–), израиль (7/15), кѣсарь (7/1), мжжъ (5/29), раучитель (1/–), съмотритель (1/–), оучитель (1/6), фараонъ (1/7), человекъ (2/134), урьтожьникъ (1/–), цѣсарь (4/20);

3) *неодушевленные нарицательные имена*: гласъ (1/13), градъ (1/34), днь (1/1), море (2/5), олтарь (1/2), псалъмъ (1/1), самовластие (1/–);

4) *мифологически одушевленные имена*: адъ (1/1), вѣсъ (1/6), зми (1/–).

Благодаря варьированию в ДП и накоплению лексем с новыми формами выкристаллизовывалась лексико-грамматическая категория лица с акцентом на значении определенного лица, происходило вычленение в семантике соответствующих лексем общей отвлеченной семы 'лицо', уже очищенной от сопутствующих смысловых наслоений – лицо по линии родства, лицо по социальной лестнице, лицо по связи с миром сакрального и т. п.

Поиски грамматических условий, определяющих использование либо только флексии *-ови (-еви)*, либо только флексии *-у (-ю)*, привели к следующим результатам: в варьировании нет четкой грамматической предопределенности (в одних и тех же условиях функционируют обе формы).

1. Значение, выражаемое дательным падежом:

а) *ДП выражает значение лица, для которого совершается действие*: глѣж бо вамъ тако можеть бѣтъ отъ каменна сего въздвигнѣти ѹада **авраамови** оуже во секыра при корени дрѣва лежить (254d–255a ЕвО) // тако можеть бѣтъ ѿ каменна сего въдвигнѣти ѹада **авраамоу** оуже во и секыра (151b ЕВА);

б) *ДП выражает значение косвенного объекта*: аще оуже оумьрѣтъ и оувѣдѣвътъ отъ сътътника дастъ тѣло **иуцифови** и коупль плащаницъ (17c ЕвО) // **нѣ**: гѣ въ нижке бѣваеть память **иуцифоу** иже отъ аримафеа и прѣславьныи мѣроносца мѣ (17b ЕвО).

2. Дательный падеж с самостоятельными и служебными частями речи:

а) *ДП в сочетании с предлогом*: **Бѣ** онѣ ѹлѣкѣ итеръ пристоупи къ **исѣви** кланала сѣ илюу (37b ЕВА) // тако **къ** грѣшьнѣ **мжжоу** въниде витатъ ставъ же захъи (114a ЕвО);

б) *ДП в сочетании с притяжательным местоимением*: естъ во иже стоудѣ ради овѣшѣтаветъ сѣ **своемоу** **дроугови** (145b ПА) // и застоупьника твърда **градоу** **нашемоу** (107a Мин о.);

в) *ДП в сочетании с прилагательным*: моиж ти сѣ не мжчи мене прѣщаше во **дхѣви** **неучистоуоуоуоуоу** (98c–98d ЕвО) // тако **влаженоуоуоуоу** **петрѣ** мѣжъ вѣвѣши съмѣрти (148b ПС);

г) *ДП при глаголахъ говорения (речи)*: и **рече** **моужеви** илюуцеомоу сжжъ роукоу (51b ЕВА) // или како **речеши** **вратоу** твоемоу остави (59d ЕвО);

д) *ДП при глаголахъ движения*: изидоша же видѣтъ въвѣшааго и **придоша** къ **исѣви** и оврѣтоша сѣдѣща ѹлѣка (56b ЕВА) // **Бѣ** онѣ ѹлѣкѣ итеръ **припаде** къ **исоу** илюуже вѣ имѣ наръ (53b ЕВА);

3. ДП в синтаксических конструкциях:

а) ДП в обороте дательный самостоятельный: **Въ оно вѣшдѣшю ісѣви въ каперьнаоумѣ** (30а ЕВА) // **Въ врѣмя оно исхощоу ісѣу отъ иерихона** (76б ЕВО);

б) ДП с союзом **яко** (имеет изъяснительное или обстоятельственное значение): **яко члѣкови дати отъ ба правдоу молити** (103с ПсЧ) // **яко иже вратоу своемоу слоужитъ боу оуслоужитъ** (127с ПА);

в) ДП с союзом **акы** (имеет сравнительное значение): **вє-срамѣнна и съ вѣрож исповѣжъ сѧ иѣ акы гѣи а не члѣкоу рече** (44а Изб 1076) // **ба акы авраамоу и ишвоу и таковыимѣ зѣлѣшиимѣ же** (85с Изб 76).

Приходим к следующим выводам:

1) формы на **-ови (-еви)** функционируют исключительно в личных именах, появление **-ови (-еви)** в неличных (неодушевленных) именах – результат морфонологической выразительности флексии **-ови (-еви)**;

2) формы на **-ови (-еви)**, так же как и формы на **-у (-ю)**, употребляются в сходных грамматических условиях;

3) в пределах одной синтаксической конструкции могут сосуществовать формы ДП на **-ови (-еви)** и на **-у (-ю)**, тем самым нейтрализуется их стилистическая дифференциация: **Оброученоу фамурови чрьтожъникъ тѧ паулъ оброучилъ естъ женихоу яко непорочноу** (142а Мин с.); и **еже подобити ми бѣвѣте такоже и азъ чѣхѣу яко хѣи подобителе сильнѣ** (253д ПА); **вє-срамѣнна и съ вѣрож исповѣжъ сѧ иѣ акы гѣи а не члѣкоу рече** во мждрыи (44а Изб 1076).

Чем же тогда объясняется выбор того или иного окончания в дательном падеже? Известно, что дифференциация морфологических вариантов служит для сообщения дополнительной семантической информации, поэтому в изучаемом случае флексия **-ови (-еви)** выделяет имя как определенный, особо значимый для писца в момент повествования объект (лицо). Таким образом, можно назвать три причины варьирования **-ови (-еви)** и **-у (-ю)**: 1) взаимодействие с *-й-основами; 2) развитие лексико-грамматической категории лица; 3) культивирование писцами вариантности в коммуникативных целях. Статистический анализ использования одной и той же лексемы с окончанием **-ови (-еви)** и **-у (-ю)** показал, что в древнерусских текстах XI века преобладают формы на **-у (-ю)**: 385/1667 (формы на **-ови (-еви)** составляют 23%). Следовательно, письменный язык раннедревнерусского средневековья обладает допустимой степенью вариативности на грамматическом уровне, что и свидетельствует о поступательном процессе нормализации в древнерусском языке.

Summary

J.V. Palladieva. Grammatical Variety of Case Forms in the Corpus of Old Russian Manuscripts of 11th Century.

The article is devoted to the problem of morphological means variation in the Old Russian language of 11th century. During research, a new direction in historical linguistics has been used, based on the methods of corpus linguistics. The study is based on the materials of all surviving Slavic-book sources of 11th century (20 manuscripts).

Источники и сокращения

ГБ – Слова Григория Богослова	Мин с. – Минея сентябрьская
ЕвА – Архангельское евангелие	Мин ок. – Минея октябрьская
ЕвО – Остромирово евангелие	Мин н. – Минея ноябрьская
ЕвТ – Туровское евангелие	МинД – Минея Дубровского
ЖК – Житие Кондрата	МинП – Путятинна минея
ЖФ – Житие Феклы	ПА – Пандекты Антиоха
ЗлБ – Златоструй Бычкова	ПсБ – Бычковская псалтырь
Изб 1073 – Изборник Святослава 1073 г.	ПсЕ – Евгеньевская псалтырь
Изб 1076 – Изборник Святослава 1076 г.	ПсЧ – Чудовская псалтырь
ЛВ – Листок Викторова	ПС – Синайский патерик

Литература

1. Trondheim Sofia Corpus of Old Slavic [Электронный ресурс]. – 1996–1999. – Режим доступа: <http://mime.hf.ntnu.no/SofiaTrondheimCorpus/notis/html>.
2. *Иорданиди С.И., Крысько В.Б.* Историческая грамматика древнерусского языка. Т. I. Множественное число именного склонения. – М.: Азбуковник, 2000. – 309 с.
3. *Жолобов О.Ф., Крысько В.Б.* Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II. Двойственное число. – М.: Азбуковник, 2001. – 235 с.
4. *Жолобов О.Ф.* Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV. Числительное. – М.: Азбуковник, 2006. – 360 с.
5. *Гиппиус А.А.* Система формальных признаков языка древнерусской письменности как предмет лингвистического изучения // *Вопр. языкознания.* – 1989. – № 2. – С. 93–110.
6. *Карясова М.С.* К вопросу о предполагаемых основах на *-й // *Вопросы теории и методики изучения русского языка.* – Куйбышев: Куйбыш. гос. пед. ин-т, 1961. – С. 269–292.
7. *Шахматов А.А.* Историческая морфология русского языка. – М.: Учпедгиз, 1957. – 400 с.
8. *Хабургаев Г.А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 296 с.
9. *Еселевич И.Э.* К истории форм дательного единственного мужского рода с окончанием *-ови* в русском языке // *Учен. зап. Горьк. ун-та.* – Горький, 1964. – Вып. 68. – С. 252–260.
10. *Шульга М.В.* Развитие морфологической системы имени в русском языке. – М.: МГУЛ, 2003. – 302 с.
11. *Колесов В.В.* История русского языка. – СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. ун-та; М.: Изд. центр «Академия», 2005. – 672 с.
12. *Зализняк А.А., Янин В.В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). – М.: Наука, 1993. – 350 с.
13. *Марков В.М.* Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. – 146 с.

Поступила в редакцию
08.12.07

Палладиева Юлия Владимировна – аспирант кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.

E-mail: afina.pallada@mail.ru